

В.И. МАРКОВИН

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К сожалению, чтобы понять ситуацию, складывающуюся в наши дни в историко-археологическом изучении Северного Кавказа, невозможно хотя бы бегло не остановиться на некоторых сторонах современной политической ситуации. Сейчас население Северного Кавказа переживает не самое легкое время. Далеко еще не закончились споры, естественные для переходного периода, о государственном устройстве местных республик и краев. Многие граждане не определили личное отношение к советскому прошлому и к настоящему времени. Этому способствуют не прекращающиеся военные действия в Чечне, в которой наиболее остро всколыхнулись обиды, порожденные репрессиями прошлого. 179 человек из чеченцев и ингушей (список их опубликован), которые якобы создавали антисоветские группы в годы минувшей войны (Кавказские орлы, 1993, с. 7 и сл.), послужили поводом для выселения 496 тыс. человек за пределы Кавказа. Тогда же участь вайнахов разделили карачаевцы и балкарцы (Спецпереселенцы..., 1993, с. 102). Может быть, поэтому однофамилец известного генерала философ А. Дудаев писал еще в 1992 г.: "Я абсолютно убежден в том, что русскому народу необходимо как можно скорее и решительнее отказаться от ложного и кровавого "идеала величия" России как империи и переориентироваться на идеал духовно-нравственного и интеллигентного возвышения отечества". И в такой "гуманистической миссии... Чечня и Россия сошлись бы навечно". В этом автор не сомневается (Дудаев А., 1992).

В связи со стремлением обрести полноценный суверенитет в республиканских газетах стал подниматься вопрос об исторически сложившихся территориях отдельных народов. Так, в Чечне с болью писали о расселении на отдельных участках вайнахских предгорий казачьего населения и горских соседей. В этом усматривались "негативные последствия не только сталинского времени, но и царского, имперского периода". Более всего обвинялись в этом казаки, оседавшие здесь с XVI в. (Ахмадов Я., Хожаев Д., 1992). Однако не все так просто. Сам генерал Дж. Дудаев пытался убедить своих граждан в том, что казаки являются горским народом и при случае, наряду с ингушами, могут быть даже мобилизованы (Симакин В., 1994). А в противовес Дж. Дудаеву казачий атаман Ставрополя Петр Федосов заявил, что "казачество как никакая другая среда наиболее сильно сохранило в себе ген «русскости»" (Федосов П., 1992).

Не менее остро разворачиваются события в отношениях между ингушами и осетинами. В их центре стоит Пригородный район (округ) Владикавказа. Чей этот город – осетинский или ингушский? Ведь в 20-х годах он был одновременно центром Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, а затем, с 1933 г., стал столицей Северной Осетии (Ахмадов Я., Хожаев Д., 1992). Здравый подход к вопросу показывает, что "попытки «вывести» Владикавказ из какого-то ингушского, осетинского или кабардинского поселения лишены научного основания". Возникший как русская крепость, он сразу же стал многонациональным, и каждый, живущий в нем, "считает его «своим»" (Дзидзоев Р.М., 1994). И невозможно сказать, кто же прав в этом противостоянии (Глебова Е., 1992).

К сожалению, под покровом внешней тишины бурлят страсти и в других регионах Северного Кавказа. Так, в Дагестане лезгины говорят о необходимости создания республики Лезгистан; ногайцы, расселившиеся по разным частям Кавказа, – о Ногайской республике. Особенно сильно движение кумыков под названием "Тенглик". В нем идут дебаты о землях, которые в 1950–1970-е годы были заняты переселенцами с гор (Глезер О., Шевелев М., 1992). Подобные трудности можно было бы отметить и в таких республиках, как Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия (Анохин П., 1992; Батчаев Б. и др., 1992; Лайпанов К., Костинский Ю., 1992). Однако не только стремление к сепаратизму характерно для народов Северного Кавказа. Речь идет о единении их в духовном и даже в территориальном плане в Лигу – Горскую республику, Республику Северного Кавказа, Ассамблею горских народов Кавказа и т.д. При этом имеется в виду союз не только вероисповедно единых мусульманских народов, но и включение в их среду Северной Осетии и Абхазии с основным христианским населением (Сергеева О., 1991; Лакоба С., 1991). Известны и более локальные мнения – на Северном Кавказе должны быть объединены народы "под единым знаменем и верой". О России в таких случаях не вспоминают (Хачилаев М., 1994, с. 3). Но далеко не все так просто и в этом случае. "Говоря об исламе, ... надо учесть, что для арабских народов исламская религия является не только религиозным, но и сугубо национальным фактом... Для тюркских, иранских и других ислам на самом деле – чисто религиозное понятие", что не гарантирует от внутренних столкновений (Херисчи Г., 1991, с. 10), как и от попрания, я бы дополнил, некоторых исторически сложившихся обычаев. Палочные наказания по шариату в современной Чечне – тому яркий пример. Конечно же, у кавказского населения России "должен быть и свой путь внутреннего развития с учетом и применением мирового опыта, и свой подход к мусульманскому миру" (Васильев А., 1993).

Будем надеяться, что многое из сказанного здесь будет преодолено. Наступит умиротворение и в Чечне. Совершенно справедливо замечание А. Аслаханова о событиях в этой Республике: "Чеченский кризис надо решать мирным путем. Нельзя допустить, чтобы погибал народ – невинная жертва обмана и грязной политики. И самое главное – нельзя следующим поколениям оставлять в наследство семена национальной вражды" (Аслаханов А., 1995). Думаю, что призыв участников Первого Международного Конгресса горцев (Нальчик, 3 августа 1994 г.) сделает свое благородное дело – "нынешние поколения горцев Кавказа сохранят достоинства своих великих предков и станут добрым примером мудрости и добрососедства для всего человечества" (Обращение..., 1994, с. 11).

К сожалению, вступительная часть этой статьи несколько затянулась. Но без нее, пусть не покажется это странным, многое в современном историко-археологическом изучении Северного Кавказа не понять. Вместе со сложностями политической обстановки на Кавказе и естественным желанием людей самоопределиваться, вздохнуть вольной грудью, появилось стремление вернуть былую, сказочно обширную территорию, веру и культуру далеких предков, даже если это полумифические персонажи. Подобные версии, приобретшие не только характер чистой беллетристики, но и политическую заостренность, нашли отражение в специальных статьях и получили тщательную интерпретацию (Чеченов И.М., 1990, с. 144–151; Марковин В.И., 1994а, с. 52–63). О том, что затронутые в них вопросы оказались важными не только для узкого круга историков и археологов-кавказоведов, свидетельствует хотя бы тот факт, что перепечатки их появились в местных газетах (Чеченов И.М., 1995а; Марковин В.И., 1995а; Всегда ли нужны..., 1995). Этому же вопросу была посвящена специальная беседа известного археолога И.М. Чеченова с корреспондентом "Кабардино-Балкарской правды" (Гоплачев З., 1995) и его же статья в "Российской газете" (Чеченов И.М., 1995б). Обозначившаяся "вольница" в интерпретации исторических и археологических фактов привела и к несколько небрежному изучению кавказских древностей в среде специалистов, к поспешности их выводов (Марковин В.И., 1994б., с. 24–40).

Наибольшие сложности выпали на долю ученых Чечни. Здесь уже с 1992 г. прекратились археологические полевые исследования. Бурные разговоры о создании особой и самостоятельной Чеченской академии наук (Алироев И.Ю., 1992) остались только разговорами. Кадры ученых стали исчезать. Хорошее начало, положенное Всесоюзной конференцией 1991 г., посвященной происхождению нахов (Мужухоев М.Б., 1991), к сожалению, оказалось мимолетным явлением. Проходившая параллельно ей конференция в г. Кизляре по исследованиям на новостройках (Нарожный Е., 1991), также не имела своего эффективного продолжения. Если на первой конференции были заслушаны в основном доклады обобщающего характера (Проблемы происхождения..., 1991), то на второй – введены в научный оборот кое-какие новые материалы: Большой Ассиновский курган с повозкой, некоторые находки переходного времени от эпохи бронзы к железу и проч. (Археология на новостройках..., 1991).

Среди чисто научных и серьезных книг, изданных перед "закрытием" науки в Чечне, можно назвать два очерка С.Л. Дударева. Они будут полезны специалистам, изучающим каякентско-харачоевскую культуру эпохи поздней бронзы, киммерийскую проблему и вопросы скифо-сарматской археологии (Дударев С.Л., 1991 а, б). Увы, на этом приходится поставить точку – научная археология в Чечне стала не у дел. Об этом свидетельствуют труды, как и ранее, рассчитанные на широкого читателя. Несомненно, такой книгой является издание "Нахские языки – ключ к этрусским тайнам" (Плиев Р.С., 1992). Возможно, в этом сочинении имеются рациональные зерна, но ведь культуры надо сопоставлять комплексно (бытовые предметы, архитектура, искусство, духовное наследие), а не на уровне одних созвучий, как это уже делал Ю. Хадзиев (Хадзиев Ю., 1991; см. также Марковин В.И., 1994а, с. 55), иначе может получиться так, как об этом пишет И.М. Чеченов: "Как вы думаете, на скольких языках можно прочитать один и тот же текст? На одном, на котором он написан, скажете вы. И ошибетесь". И далее упоминает Зеленчукскую надпись XI в., которую "прочитали" на осетинском, кабардинском, балкарском и чеченском языках (Чеченов И.М., 1995б). Хорошо хоть то, что подобные "прочтения", кажется, не проникли еще в школьные учебники, издаваемые в Республиках.

Описанная научная ситуация, однако, не дает права думать, что в современном кавказоведении все плохо, хотя глубокие трещины ощущаются в нем весьма часто.

Наиболее активно работают сейчас археологи Дагестана (Институт истории, археологии и этнографии Научного центра РАН и Дагестанский гос. ун-т), исследующие памятники эпохи бронзы – позднего средневековья Республики (Тезисы докладов..., 1994, с. 3–21). Широкий диапазон полевых работ, развернувшийся в Дагестане за последние годы, позволил существенно пополнить список местных памятников. Если в книге М.И. Исакова насчитывалось 1133 памятника (Исаков М.И., 1966), то в новой археологической карте Дагестана, созданной трудами А.И. Абакарова и О.М. Давудова, описано 1622 объекта. Это солидный труд. В нем, помимо обзора археологического изучения Дагестана, имеются особые вводные главы о тех эпохах и культурах, памятники которых представлены среди местных древностей начиная от каменного века и до позднего средневековья (Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993). В этой работе, написанной лаконичным языком, читатель не найдет особой полемики в связи с этнокультурными интерпретациями тех или иных местонахождений. Может быть, в данном случае это и верно – археологическая карта прежде всего справочник, и ученый читатель должен сам оценивать интересные для него памятники.

Аналогичный труд издан Карачаево-Черкесским НИИ. Автором его является ныне покойная Евгения Павловна Алексеева. Обзор памятников сделан ею не по административным районам, как в предыдущей работе, а по рекам, балкам и другим конкретным геоморфологическим особенностям Республики. Ее работа завершается итоговой главой, в которой указана предполагаемая этнокультурная принадлежность памятников по хронологическим группам, а на основе изучения самых поздних памят-

ников делается даже реконструкция хозяйственных занятий в средние века у адыгов, абазин, карачаевцев (они уже жили оседло) и ногайцев, наибольшая часть которых стала переходить к оседлости в XVII в. (Алексеева Е.П., 1992).

Нет сомнения, что подобные работы крайне нужны. Они позволяют ориентироваться в ходе исторического процесса в конкретном регионе. Увы, кроме давно опубликованной работы близкого профиля для территории тогда еще Чечено-Ингушской АССР (Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966), других подобных изданий на Северном Кавказе я назвать не могу.

Перейдем к обзору работ, вышедших из печати и показательных для самого последнего времени. Лучше вести его с востока на запад.

Огромное значение для изучения северо-восточной части Кавказа имеет труд М.Г. Гаджиева, посвященный раннеземледельской культуре местных племен. Неторопливый исследователь, тщательно обдумывающий каждое положение своих работ, и на этот раз детально проработал многие вопросы, связанные с местными памятниками энеолита – бронзы. Еще недавно они упирались в глухую стену отдельных предположений, порожденных случайными находками с территории Северо-Восточного Кавказа. Это прежде всего вопрос о раннем этапе в становлении производящего хозяйства Дагестана. М.Г. Гаджиеву удалось доказать, что на рубеже VII–VI тыс. до н.э. во всем бытовом укладе древних дагестанцев "произошли важные качественные сдвиги, выразившиеся в переходе от присваивающего хозяйства к производящему... Новые формы хозяйственной деятельности изменили образ жизни и быт прежних охотников и собирателей. В горном Дагестане складывается прочная оседлость, возникают постоянные поселения с каменными жилищами". Таким выводом грани неолита были отодвинуты далеко назад (Гаджиев М.Г., 1991, с. 122–124). Это удалось сделать после открытия Чохского, Гинчинского поселений и целого ряда других памятников.

Поселение у Чоха в горном Дагестане первоначально изучалось В.Г. Котовичем. Он наметил в нем пять последовательных слоев, датировав три самых нижних слоя "заключительным этапом верхнего палеолита", а два верхних – позднемезолитическим временем (Котович В.Г., 1964, с. 160, 161). Затем раскопки этого поселения были продолжены Х.А. Амирхановым, которым ранее предложенные датировки были уточнены как мезолитические для нижних горизонтов и неолитические для горизонта, скрытого под самым верхним слоем эпохи бронзы (Амирханов Х.А., 1987, с. 29–35). Интересно, что, по наблюдениям исследователя, чохская культура, а именно так определяется им комплекс памятника, "и на неолитическом этапе сохраняет специфические черты, унаследованные от предшествующего (мезолитического. – В.М.) времени". Вместе с тем, здесь, на уровне неолитического слоя, пишет автор, фиксируются уже "хотя и примитивные, но долговременные искусственные жилища, сосуды из обожженной глины, зернотерки, редкие и очень архаичные земледельческие орудия" (Амирханов Х.А., 1987, с. 207). Вот это поселение, как и поселение у хут. Гинчи в Гидатлинской долине Дагестана, исследованное самим М.Г. Гаджиевым, как и некоторые другие памятники (Галгалатли, Чиркей и проч.), дали ему возможность сделать обобщение, о котором сказано выше.

Довольно аморфному понятию "энеолит" М.Г. Гаджиев противопоставляет свое представление об этом времени. Он считает, что в каждом отдельном регионе энеолит в культурном отношении – это "достаточно своеобразное, локальное явление", зависящее от "этнокультурных традиций", уходящих в глубины каменного века. Определенное сходство между памятниками энеолита горного Дагестана, Центрального Предкавказья и Кахетии автор объясняет "существованием между их носителями тесных контактов, наличием близких и общих культурных подоснов". Памятники энеолита в целом датируются им V–IV тыс. до н.э. с более дробными членениями для разных регионов (Гаджиев М.Г., 1991, с. 108).

Значительная часть монографии М.Г. Гаджиева посвящена куро-аракской культуре эпохи ранней бронзы. Здесь автор оперирует большим количеством памятников,

давших самые разнообразные материалы, что и позволило ему тщательно изучить характер древних поселений и заглянуть в такую сферу, как идеологические представления. Свой материал М.Г. Гаджиев, приведя стратиграфические наблюдения, датирует концом IV–III тыс. до н.э. (Гаджиев М.Г., 1991, с. 127–214, 243).

В новейшей работе о куро-аракской культуре, автором которой является Р.М. Мунчаев, несколько уточняются отдельные вопросы. Так, Р.М. Мунчаев считает, что наиболее показательные памятники культуры следует датировать временем "от начала III до рубежа III–II тысячелетий до н.э. и в пределах XXIX–XXIII вв. до н.э.". Однако для древностей Северо-Восточного Кавказа, где, как мы знаем, рано начался переход к земледелию, он считает возможным, солидаризуясь с М.Г. Гаджиевым, говорить о двух больших периодах, относя их к последней четверти IV – третьей четверти III тыс. до н.э. (Мунчаев Р.М., 1994а, с. 16, 17). В это время в Дагестане уже появились первые земледельческие террасы, на поселениях можно видеть постройки округлого плана, а в керамическом производстве возникает посуда с грубообмазанной поверхностью (Гаджиев М.Г., 1991, с. 146–148, 151–168, 178; Мунчаев Р.М., 1994а, с. 23, 33, 56).

В заключительной части рассматриваемой монографии М.Г. Гаджиев для эпохи развитой бронзы предлагает выделить одну культуру и три группы памятников. Это гинчинская культура, охватывающая горные районы Дагестана и Чечни (могильники Гинчи, Гатын-Кале, поселение Верхний Гуниб и другие памятники); группа в районе Среднего Сулака до Приморской низменности, содержащая многие черты, свойственные степным культурам; манасская группа (южнее Махачкалы) и великентская, характерная для южной части Приморской низменности и района Дербента (Гаджиев М.Г., 1991, с. 236–238, рис. 66).

Более полно эпоха развитой бронзы Северо-Восточного Кавказа разработана в кандидатской диссертации Р.Г. Магомедовым (Магомедов Р.Г., 1992). Его исследование, как и М.Г. Гаджиева, подано на широком общекавказском – ближневосточном фоне, что придает соответствующим разработкам убедительность и ясность. В особой главе им рассматриваются материалы, происходящие из 20 поселений, из которых 14 приходится на Дагестан (среди них широко известно Верхнегунибское поселение, исследованное В.М. Котович) и только четыре на Чечню (Гатынкалинское – Хал-Килой и др.). Расположенные по скалистым склонам гор и по террасам речных долин, они содержали остатки жилищ уже прямоугольных очертаний (смена округлых построек на прямоугольные, по мнению Р.Г. Магомедова, произошла в последней четверти III тыс. до н.э.). Среди изученных погребальных сооружений 40% составляют склепы. Среди них довольно много круглоплановых построек. Особенно они характерны для могильника Гинчи в Дагестане – это своеобразная дань древним традициям в домостроительстве. Наоборот, могильники Гатын-Кале и Бельты в Чечне содержали только прямоугольные склепы. Здесь не место вдаваться в характеристику погребального инвентаря, но следует отметить, что в Гинчи обнаружена круглодонная посуда, не характерная для других регионов. Р.Г. Магомедов объясняет это близостью горного Дагестана к Грузии и влиянием алазано-беденской культуры. В итоге исследования автор предлагает выделить для северо-восточной части Кавказа особую "*восточнокавказскую метакультурную общность*", "которая включает в себя в основном присулакскую, манасскую, великентскую локальные группы памятников и *гинчинскую культуру*". В самой культуре намечены два локальных варианта: северо-западный (ичкеринский) и юго-восточный (койсугский, от названия Койсу – рек в горном Дагестане). В свою очередь для чеченских (ичкеринских) памятников – "узколокальные группы": могильники Малый Харсеной, Саади-Котар и Бачи-Юрт. Общая дата культуры, по Р.Г. Магомедову, XXIII–XV вв. до н.э., с двумя фазами внутри этого периода (Магомедов Р.Г., 1992, с. 15, 16).

Соглашаясь со многими оценками Р.Г. Магомедова, я все же должен заметить, что название "гинчинская культура" несколько суживает представление о всем

многообразии памятников Дагестана и Чечни. Было бы вернее называть данную культуру "гинчинско-гатынкалинской", по наименованиям двух известных могильников (Марковин В.И., 1994в, с. 327), тем более что подобное название уже было предложено В.Г. Котовичем, правда, не для культуры, а для соответствующего хронологического этапа (Котович В.Г., 1978, с. 74). Такое название соответствовало бы и содержимому Малохарсеноевского могильника, где были обнаружены только захоронения в ямах (Марковин В.И., 1995б). Подобные ямы встречались и в Гатын-Кале. Некоторое возражение вызывает и наименование общности с приставкой "мета", что придает ей несколько надмирный, отвлеченный характер (вспоминаются труды Д. Андреева, В. Соловьева, А. Меня и других философов и богословов).

Среди научно-популярных книг, вышедших в последнее время, хотелось бы отметить работу Валентины Михайловны Котович "Путешествие в тысячелетия". Написанная живым, легким языком, она вводит читателя в круг повседневных занятий археологов. Особенно ярко написаны страницы, посвященные исследованию Верхне-гунибского поселения. Реконструкции мотивов древней наскальной живописи, приведенные здесь в виде своеобразных раздумий, будут весьма полезны для специалистов (Котович В.М., 1994). Жаль только, что В.М. Котович совершенно не использовала в своей работе материалы, добытые Х.А. Амирхановым на упоминавшемся Чохском поселении.

Однако вернемся к эпохе ранней бронзы. Речь пойдет о майкопской культуре. Ею занимались многие специалисты. Среди них можно вспомнить имена А.А. Иессена, Е.И. Крупнова, А.А. Формозова, А.Д. Столяра. Огромный раздел посвящен ей в монографии Р.М. Мунчаева (Мунчаев Р.М., 1975, с. 197–335). Культура эта настолько оригинальна, что и после специально посвященного ей симпозиума (Майкопский феномен..., 1991) интерес к ней не затух, а скорее усилился. Можно вспомнить также дискуссию на страницах журнала "Советская археология", № 4 за 1990 г., с появлением версий о ее происхождении благодаря миграции библейских семитов на Кубань и о связи ее с шумерами, прямыми потомками которых якобы являются современные балкарцы и карачаевцы. Первое мнение, кажется, естественным образом отпало, так как Библия и изучающая ее библеистика наконец-то стали достоянием нашего общества. А вот второе мнение, что "балкарец легко понял бы шумера" (Мизиев И.М., 1991; 1995) пока еще живо и получает дальнейшее развитие. Так, К.С. Кадыраджиев, как и И.М. Мизиев, пользуясь языковыми сопоставлениями, утверждает, что в X–V тыс. до н.э. (т.е. в эпоху камня и энеолита – В.М.) "территория от Малой Азии до Средней Азии (Анатолия, Месопотамия, Кавказ, Иран, Средняя Азия) была заселена различными урало-алтайскими племенами. Протюрки (в том числе и протокумыки) обитали в этот период на юго-западной окраине этого исторического региона" (Кадыраджиев К.С., 1992, с. 51). Автор этой брошюры в основном пишет о происхождении кумыков, живущих сейчас в северной части Дагестана. Судя по приложенным картам, "протокумыки" в X–VI тыс. до н.э., по его мнению, занимали огромную территорию – от Персидского залива, охватывая всю южную часть Каспия, вплоть до Кизлярского залива, и только ко II тыс. до н.э. эта территория значительно уменьшилась (Кадыраджиев К.С., 1992, с. 61–64). Он, как и И.М. Мизиев, уделит некоторое внимание и шумерам, но, как видим, пошел намного дальше своего предшественника. Однако ученые Кабардино-Балкарии уже дали отрицательную оценку трудам И.М. Мизиева, ибо в них с глубокой древности на Кавказе не остается места для проживания не тюркоязычному населению. Отмечается, что "подобного рода исследования могут спровоцировать обострение международных отношений в республике" (Калмыков Ж., 1995), я бы добавил, – и по всему Северному Кавказу.

Р.М. Мунчаев недавно заново обобщил материалы о майкопской культуре. Действительно, и ее вещевой комплекс, включая первоклассные художественные изделия, и ее духовный мир, судя по погребальным памятникам, настолько богаты, что только недостаток темпов социально-экономического развития по сравнению с

"долиной Нила и Двуречья" не привел здесь к "созданию ранних форм государственности, как в Египте и Месопотамии" (Мунчаев Р.М., 1944б, с. 225). Напомню, что здесь говорится о конце IV – третьей четверти III тыс. до н.э. Разброс мнений о том, кто же были носители майкопской культуры, столь велик, что Р.М. Мунчаев вынужден заметить: "получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской" (Мунчаев Р.М., 1994б, с. 165). Однако Р.Ж. Бетрозов, посвятив многие страницы своей новейшей монографии майкопской культуре и ее носителям, пишет, что эту культуру создали абхазо-адыгские древние племена, близкие "протохеттскому (хаттскому) этническому миру Малой Азии" (Бетрозов Р.Ж., 1991, с. 53, 70). Подобного мнения придерживается и Н.Г. Ловпаче (1991, с. 35).

Не меньшее внимание в археологической литературе уделяется дольменным памятникам. Р.Ж. Бетрозов и Н.Г. Ловпаче, как и многие другие специалисты (Л.И. Лавров, Ш.Д. Инал-Ипа, В.И. Марковин, Ю.Н. Воронов, И.М. Чеченов и др.), говорят о них в связи с абхазо-адыгским этносом. К сожалению, кроме сводки дольменных построек, давно уже составленной Л.И. Лавровым, отдельных обмеров О.М. Джапаридзе, Л.Н. Соловьева, Ю.Н. Воронова и моей монографии, снабженной выборочно взятыми чертежами и зарисовками, публикаций с дольменами в строго научной литературе практически нет, хотя упоминаний о них множество. Новейшие исследователи почему-то менее всего видят в них памятники архитектуры, требующие профессионально грамотной фиксации. Я уже не говорю о мастерстве раскопщика как такового. С болью читаешь статью археолога и художника Н.Г. Ловпаче о том, как велись раскопки порталных построек и как было загублено основание известного многогранного дольмена у ст. Новосвободной (работы А.Д. Резепкина; см. Ловпаче Н.Г., 1994). В итоге теорий и мнений о дольменах много, имеются математические выкладки, а хорошо зафиксированного материала до сих пор издано мало. Пусть не покажется странным, но это так, – статья об уникальном кургане Псынако I с дольменом, заключенным в толос (открыт М.К. Тешевым), оказалась незамедлительно опубликованной в Германии (Markovin V.I., 1993, S. 249–272), а у нас о нем знают только по отдельным тезисам и «опробациям».

Да, действительно, дольмены дают много материала для раздумий, для поисков истоков их архитектуры. И более всего специалисты склоняются, – повторяю это, – соотносить их с абхазо-адыгским этносом, носители которого имели пока еще не очень ясные связи с миром Средиземноморья (Марковин В.И., 1994 г, с. 226–253; Бетрозов Р.Ж., 1991, с. 70–81, см. там же библиографию). Однако не надо думать, что все так просто. Как-то читал я хорошо иллюстрированную статью в журнале «Техника молодежи», в которой горячо доказывалось, что дольмены – это хитроумные приспособления для охоты на крупных животных. Пишут также, что дольмены – это обсерватории, а вот совсем еще свежее мнение: «дольмены – это не только памятники времени, а... само время. Невероятно, но факт: каменные сооружения имеют астрономически значимые ориентировки и являются, по сути, древнейшими календарями человечества» (Львов Ю., 1994). Обряд захоронений в дольменах этот автор считает характерным для кельтов, хотя речь идет о дольменах Кавказа. Увы, кельты никакого отношения не могут иметь к западнокавказским дольменам хотя бы потому, что они жили в эпоху железа (латенская культура для археологов; см.: Филип Я., 1961).

Очевидно, кельты не имели ничего общего и с культурой дагестанских народов. Но вот в научном заключении Л.Г. Серостановой, приложенном к ее исторической повести «Амазонки» с любовно-трагедийным сюжетом, сказано, что «скифы и сарматы пустили глубокие корни в кельтские племена», обитавшие по Тереку, Кубани, Большой и Малой Лиахви, и здесь «из сплава этих двух этносов... родилась высочайшая культура, названная археологами Кобанской». Затем, в Дагестане в середине I тыс. до н.э. «албано-кельтский язык, подорванный сарматским, уступил место тюркскому».

Его носители стали кумыками, а «племена, жившие высоко в горах, сохранили свои первородные кельтские языки» (Серостанова Л., 1993, с. 185, 186).

Я не стал бы писать об этих газетно-литературных фактах, но боюсь, что найдутся «исследователи», ухватившиеся за «кельтскую плодотворную идею», и начнут создавать новые труды, используя сомнительные созвучия, сходные аффиксы, префиксы и т.д.

Итак, мы почти завершили обзор некоторых научных работ и идей, связанных с первобытностью. Здесь почти ничего не говорилось о северокавказской культурно-исторической общности, о каякентско-харачоевской культуре. Все основные научные данные, связанные с ними, упоминаются в главах «Археологии» (Эпоха бронзы Кавказа..., 1994). Куда важнее разобраться с некоторыми вопросами скифо-сарматской археологии, древностями алан и немного поговорить об изучении культуры тюрок Северного Кавказа. К сожалению, здесь придется опустить обзор сармато-меотских и адыгских материалов, требующих особого очерка. Благо, что в западной части Кавказа научные страсти не так сильны.

Известный археолог Б.В. Техов, многие годы плодотворно изучавший кобанскую культуру, выступил с новаторскими для местной истории мыслями. Он утверждает, что в центральной части Кавказа в III тыс. до н.э. жили индоевропейцы – хетты, которые затем передвинулись в Переднюю Азию. Однако некоторая часть их осталась на Кавказе – между Эльбрусом и Казбеком – «в теснине Терека». Индоевропейцами являлись также племена катакомбной и срубной культур (автор не упоминает, что они шли к Кавказу со стороны степей, далеко в горы не заходили и что апробация их языка пока еще очень сомнительна). Затем здесь появились скифы, сарматы и т.д., – ираноязычие налагалось на ираноязычие. Правда, Б.В. Техов полностью не отрицает проживания здесь и «кавказского этноса». Так мельком, без особой аргументации доказывается бытование в горах Центрального Кавказа ираноязычного населения с III тыс. до н.э. (Техов Б.В., 1993а, с. 24; 1993б, с. 4, 5).

Прежде всего остановимся на вопросе о хеттах. Да, лингвист В.В. Иванов действительно предполагает, что во II тыс. до н.э. хетты могли пройти через Кавказ в Малую Азию и следовали они по причерноморским и прикаспийским степям (Иванов В.В., 1962, с. 186). Замечу, что на этих путях пока не найдены памятники, которые можно было бы отнести к хеттам¹.

Более аргументированно об этом же говорится в монографии О.Р. Герни, специально посвященной хеттам. Автор осторожен в своих построениях и избегает неточностей. Им ни разу не упоминается Кавказ, но сказано, что во II тыс. до н.э. здесь, на севере Малой Азии «индоевропейский хеттский язык народа-завоевателя наложился на неиндоевропейский язык хаттов», и только с 1900 г. до н.э. можно говорить об истории хаттов (Герни О.Р., 1987, с. 19, 20). Он же замечает, что не исключена связь языка хаттов с языками народов Кавказа (Герни О.Р., 1987, с. 113). Как видно, ограничивая себя системой доказательств, как это сделал Б.В. Техов, нельзя решить вопрос об исконном, извечном индоевропеизме осетин. Подобное, кстати, не удалось доказать и предшественникам Б.В. Техова, когда те оперировали предположением о приходе в предгорья Центрального Кавказа носителей культур шаровидных амфор и шнуровой керамики эпохи бронзы, предположительно тоже индоевропейцев.

Уже давно обсуждается вопрос о «двуприродности» происхождения осетин. В.И. Абаев об этом говорит так: «Признание участия кавказского субстрата в этногенезе осетин не противоречит аланской теории. Оно лишь дополняет ее на новом уровне наших научных знаний» (Абаев В.И., 1967, с. 18). Привлекая археологические и исторические факты, Е.И. Крупнов в свое время пришел к выводу, что «можно признать лишь усиливающуюся инфильтрацию в кавказскую этническую среду

¹ Вопрос о происхождении хаттов и их движении в Анатолию через Каспийский проход, с учетом противоречий, обстоятельно рассмотрен Л.А. Гиндиным (см. Гиндин Л.А., 1993, с. 163–177, 206, 207, карты 1; 2). Это не исключает чисто археологических разработок.

сначала скифов, затем сарматов и, наконец, алан и связанное с их проникновением появление иных элементов языка и культуры» (Крупнов Е.И., 1967, с. 33). Подобных взглядов о происхождении осетин сейчас придерживаются многие археологи (Р.М. Мунчаев, В.А. Кузнецов, В.И. Козенкова и др.). Но вот послышался окрик в виде огромной газетной статьи «Что написано в истории» (Исаенко А., Кучиев В., 1994). Ее авторы считают, что пресловутая «идея интернационализма», присущая Е.И. Крупнову и его последователям, мешает правильно подойти к изучению проблемы, и тут же сами себе противоречат. То они соглашаются, что «скифы, сарматы и аланы пришли на Кавказ не только со своим языком, но и со своим этносом и оказывали большое влияние на аборигенов», что история, действительно, не знает «чистых» народов и «чистых» языков, то иронизируют по поводу высказывания В.А. Кузнецова, что «осетины не тождественны ираноязычным аланам, осетинский язык не тождествен аланскому, потому что в формировании осетинского народа и языка, его культурно-бытовых особенностей активную роль сыграла аборигенная кавказская этническая среда»². Подобные высказывания, пишут А.В. Исаенко и В.Д. Кучиев, «не имеют под собой, на наш взгляд, никакой методологической базы, да и фактический материал не подтверждает их верность». В своем споре авторы часто опираются на высказывания В.И. Абаева. Приведу только одно из них. В.И. Абаев пишет: «...осетинский язык, имея бесспорную иранскую основу, в то же время носит глубокие следы влияния кавказских языков в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе, которые не могут рассматриваться как внешние заимствования, а представляют органический вклад из кавказского субстрата, т.е. из тех языков, которые были на данной территории до появления здесь североиранских племен» (Абаев В.И., 1967, с. 19, 20). С какой же целью написали свою статью А.В. Исаенко и В.Д. Кучиев?

Тема «осетины – это аланы» настолько завладела мыслями многих людей, что возникла своеобразная дискуссия по этому поводу. В итоге ее «вместо Северной Осетии предлагается Северная Алания... Вместо осетинский язык следует закрепить термин аланский язык» (Гуриев Т., 1994). И теперь Северная Осетия стала уже официально именоваться Аланией, хотя это, как считает В.А. Кузнецов, мало оправдано (Баскаев В., 1995).

Тем временем, пока шли дебаты, как понимать и решать вопросы осетиноведения, наука не стояла на месте. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский в своем общем, очень обдуманном труде уделили большое внимание эволюции самих понятий «киммерийцы» и «скифы». Особенно интересен их взгляд на изменения культурно-исторического содержания, вкладываемого в термин «скифы». Авторы выделяют «древнейших скифов» (VIII–VII вв. до н.э.), «ранних скифов» – жителей Предкавказья (VI–III вв. до н.э., это они совершали походы в Переднюю Азию; часть их, живших в понтийских степях, можно именовать «Геродотовыми скифами»); «поздних скифов» (III–II вв. до н.э. – III в. н.э., только для Нижнего Приднепровья и Крыма) (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 223). Авторами создан также прекрасный этюд, посвященный звериному стилю, с привлечением произведений искусства Ирана, Луристана и других стран, намечена программа его дальнейшего изучения (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 74–162). Вот бы подобным образом изучить графику кобанских бронз, не отделяя ее от искусства колхидской культуры, тем более что есть основания объединять обе культуры в единое явление, как это делал покойный Юрий Николаевич Воронов. В связи со сказанным важно также отметить выход в свет монографии (своеобразного каталога) с публикацией скифских изваяний VII–III вв. до н.э. (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994). Говоря об изваяниях Предкавказья, авторы подчеркивают его «особую роль... в процессе формирования антропоморфного облика скифской скульптуры». Они пишут, что «именно Предкавказье в VII–VI вв. до н.э. явилось основным регионом, откуда традиция нового для скифов антропоморфного

² В этой цитате авторами статьи была нарушена ее гармония. Здесь она приведена полностью (см. Кузнецов В.А., 1984, с. 280).

монументализма выплеснулась вместе с ее носителями в причерноморские степи». К этой же тематике примыкает и новый свод, созданный В.И. Козенковой, о вооружении, воинском снаряжении и конской упряжи, употреблявшимися носителями западного варианта кобанской культуры (Козенкова В.И., 1995).

Среди работ по сарматской тематике необходимо отметить обстоятельную монографию М.П. Абрамовой (1993), охватывающую III в. до н.э. – IV в. н.э. Кроме публикации очень богатого материала по хронологическим вехам (III–I вв. до н.э. и I–IV вв. н.э.) и категориям вещей, автор большую главу посвящает вопросам иранизации населения Центрального Предкавказья. Здесь речь идет о природе двуязычия в среде алан, о его роли в развитии культуры, о племенных названиях «ирон», «дигор» и «туал», о более архаичном строе языка дигорцев. Много внимания уделено той чисто кавказской, субстратной подоснове, с которой «двумя волнами» происходило схождение ираноязычных племен. В заключение М.П. Абрамова пишет, что «рассматривать кочевые аланские племена в качестве прямых предков осетин нет никаких оснований. Этноним «аланы», встречающийся у античных авторов, с одной стороны, и в раннесредневековых источниках (сирийских, армянских, византийских и др.) – с другой, обозначает разные этнические группы. В первом случае это кочевые племена сарматского круга, а во втором – носители иранского языка, победившего в результате сложных, длительных этнических процессов... Наличие языкового субстрата предполагает наличие субстрата этнического» (Абрамова М.П., 1993, с. 201).

Работе М.П. Абрамовой довольно близко исследование О.М. Давудова, ставшее его докторской диссертацией. В нем речь идет о Дагестане в албанское время. Обычно, говоря о Кавказской Албании, подразумевают территорию Азербайджана, здесь же он упоминается только попутно. Автором обобщен материал по 40 бытовым памятникам и 29 могильникам. Это позволило О.М. Давудову утверждать, что сарматское внедрение не заходило за пределы дагестанских предгорий, поэтому он предпочитает говорить о «дагестанской археологической культуре албанского времени», выделяя в ней два периода – с III по I в. до н.э. и с I по IV в. н.э. Такое членение подтверждается анализом материала. Варианты культуры характеризуют отличия в среде чисто дагестанского многонационального населения (Давудов О.М., 1990).

Последующее время, IV–VIII вв. – эпоха Великого переселения народов для приморской части Дагестана – изучалось Л.Б. Гмырей. Этому достаточно темному периоду в местной истории ею посвящены две книги. Первая книга является в основном публикацией погребальных материалов, включая тщательное описание инвентаря. Значительное место уделено 87 курганным комплексам Паласа-сыртского могильника, расположенного близ Дербента. Сопоставление его с другими памятниками (курганы у Джемикента, Утамыша, Манаса, Мамай-кутана и др.), как и привлечение письменных источников, позволило автору утверждать, что население каспийского приморья, состоявшее из мелких этнических группировок, было объединено двумя крупными этносами – гуннами и маскутами (сармато-аланами). Это и дало основу для сложения синкретической раннесредневековой культуры – «страны гуннов» (Гмыря Л.Б., 1993). Вторая книга органически связана с первой. Она представляет собою очерк о «стране гуннов». Анализ письменных источников вместе с археологическим материалом позволил Л.Б. Гмыре реконструировать экономику страны, остановиться на чертах быта всех слоев местного населения и на целом ряде других вопросов, включая верования (язычество, переход к христианству, иудаизму и исламу) (Гмыря Л.Б., 1995).

Сармато-аланская тематика особенно ярко звучит в новейших работах исследователей Северной Осетии. Таковы «Алано-осетинские этюды» В.А. Кузнецова и его же «Очерки истории алан», вышедшие во втором издании. В «Этюдах» автор останавливается на вопросах, связанных с Великим Шелковым путем. Он указывает не только на отдельные уникальные находки, но и намечает некоторые участки

древних маршрутов (Кузнецов В.А., 1993, с. 10–70). Совершенно специфический характер имеет очерк об аланах в Венгрии. Для кавказоведения более важны наблюдения В.А. Кузнецова о древних элементах в повседневном быту осетин (Кузнецов В.А., 1992, с. 155–179). Новое издание «Очерков» значительно дополнено. Это произошло за счет новых глав, существенно обогащающих обычные представления о роли алан в местной истории. Таковы главы «Алания и Византия», «Распространение христианства» и др. Я не стану даже кратко пересказывать содержание этой довольно объемистой книги. Автор с уважением повествует о всех перипетиях, выпавших на долю аланского народа, а хорошее знание христианского культа и архитектуры порой придает его рассказам эпическую выразительность (Кузнецов В.А., 1992).

Не только аланам, но и средневековой истории осетин, уже сложившихся как особый народ, посвящена небольшая книга Ф.Х. Гутнова. Хороший знаток генеалогии местных родов и социально-зависимых отношений, построенных часто на так называемом «предании», автор создал нужную и добротную работу (Гутнов Ф.Х., 1993). Примерно близок к ней по тематике и небольшой очерк об осетинах Р. Бзарова (1994).

Если предыдущие работы отличались монолитностью и последовательностью в изложении, то три тома «Alanica» содержат отдельные статьи, объединенные только определенной тематикой. В первом томе речь идет о связи алан с Западной Европой и Византией. Этой темой еще в молодые годы усиленно занимались В.К. Пудовин и В.А. Кузнецов, а затем и В.Б. Виноградов. Теперь в этом сборнике читатель снова найдет статьи об аланах в Западной Европе и Африке (В.А. Кузнецов, В.Б. Ковалевская, А.Н. Карсанов, Э. Харгоши), две статьи, связанные с христианством алан (С.Н. Малахов, Л.А. Перфильева) и некоторые другие (Alanica I, 1992).

Во втором томе этого же издания «Аланы и Кавказ» помещены очень важные статьи для понимания культуры и истории алан, касающиеся первого упоминания алан на Кавказе (Ю.С. Гаглойты), алано-армянских и алано-византийских отношений (М.К. Джюев, К.Г. Догузов), чисто археологические статьи (В.Б. Ковалевская, Г.Е. Афанасьев, В.М. Батчаев) и ряд других. Здесь же помещен доклад Ю. Клапрота, прочитанный им еще в 1822 г., в котором «доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан» (Alanica II, 1992).

В третьем томе – «История и культура» преобладает археологическая тематика с публикацией материалов из могильников у селений Чми, Кобан, Тарское и ст. Змейской (А. Хайнрих, Р.Г. Дзаттиаты, Э.С. Кантемиров, В.А. Кузнецов, В.Н. Каминский и др.), а также ряд статей исторического содержания (Alanica III, 1995).

Весь этот довольно большой список работ можно завершить упоминанием докторской диссертации В.Х. Тменова, посвященной зодчеству средневековой Осетии (1994). Написанная хорошим знатоком архитектуры народов Северного Кавказа и Закавказья, она знакомит с малоизученной архитектурной оборонительных стен, устройством галуанов – замков и традиционно украшающих страну жилых и боевых башен. Особое место в работе уделено архитектуре погребальных, склеповых построек, среди которых выделено шесть типов с подтипами, и святилищам (склепообразной и столпообразной формы). В.Х. Тменов уделил также внимание архитектурному декору всех изученных построек, относимых к XII–XVIII вв.

Во многих из перечисленных изданий неоднократно упоминаются аланы и не случайными людьми, а учеными-медиевистами в процессе обсуждения сармато-аланских проблем, в связи с историей осетинского народа и становлением его культуры. Но вот послышался еще один окрик в виде громкого вопроса: «после работ последних лет сторонникам ираноязычия алан давно пора ответить: кто, когда, на каком материале доказал эту псевдонаучную теорию?» (Мизиев И.М., 1994). В данном случае он направлен не против тех алановедов, труды которых упоминались чуть выше, хотя он касается и их, этот окрик адресован Х.Х. Биджиеву – автору книги «Тюрки Северного Кавказа». И.М. Мизиев упрекает его во многих грехах,

включая историографические неточности (естественно, забывая о своих), но главное преступление Х.Х. Биджиева состоит в том, что он примкнул к сторонникам ираноязычной теории алан. К сожалению, действительно, сейчас имеются издания, в которых археологически слабо обоснованное мнение И.М. Мизиева о тюркоязычии не только алан, но даже скифов (Мизиев И.М., 1986, с. 35–57) принимается как безапелляционная истина. Такое, к примеру, имеет место в книге М.Ч. Джуртубаева, насыщенной интереснейшими сведениями (1991, с. 160). Но, не веря в построения И.М. Мизиева, начинаешь сомневаться в кое-каких фактах, приводимых М.Ч. Джуртубаевым.

В недавно вышедшей газетной статье К.Т. Лайпанова (1995) еще раз поднят вопрос об аланском происхождении карачаевцев и балкарцев. При чтении ее возникает вопрос, а не имело ли место в средние века близкое, бок о бок проживание алан и тюрок. В таких случаях языки соседствующих народов пестрят заимствованиями. Ведь во всех статьях, какие мне довелось читать, речь идет «по верхушкам», а не по корневому строю языков. Но вернемся к книге Х.Х. Биджиева.

Книга Х.Х. Биджиева "Тюрки Северного Кавказа", как и автореферат его докторской диссертации (Биджиев Х.Х., 1993; 1994), появилась в период, когда стало перечеркиваться многое из того, что было сделано видными учеными – алановедами, тюркологами и медиевистами. В силу этого трезвый и ясный подход в освещении сложных вопросов средневековой истории вселяет надежду, что не все потеряно в археологическом изучении наследия, оставленного тюркскими народами Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют хотя бы интересные материалы XIII–X вв. Хумаринского городища, добытые и интерпретированные Х.Х. Биджиевым. Именно это городище позволило подойти к решению вопроса о переходе тюрок-кочевников к оседлости. Здесь, на Хумаре, Х.Х. Биджиеву удалось найти следы смены полупустынь к четко оформленным каменным постройкам. На этом же городище были найдены тюркские рунические надписи. В исследовании Х.Х. Биджиева много внимания уделено тюркско-аланским и тюркско-адыгским связям, привлечен большой этнографический материал.

Работа Г.С. Федорова, посвященная проблеме происхождения кумыков, несколько близка предыдущему исследованию. В ней нет «высоких воспарений» к шумерам, киммерийцам и скифам, а имеет место кропотливый труд, работа с кажущимся малоинтересным материалом (Федоров Г.С., 1995).

Завершая несколько затянувшийся обзор, я бы еще хотел обратить внимание на книги Мурада Аджиева «Мы – из рода половецкого» и «Полынь Половецкого поля» (Аджиев М., 1992; 1994). Это хорошо написанное эссе. С автором во многом можно не соглашаться, хотя бы с его казачьими и христианскими теориями, но сила его убежденности в своей правоте такова, что невольно прислушиваешься к его голосу. Вот бы нашим археологам так: не плестись за своим, порой блестящим, материалом мутным словесным пятном, а обыгрывать его ярко и весомо!

Итак, обзор далеко не всей научной литературы и некоторых газетных заметок окончен. Вывод напрашивается сам собой – там где специалисты тщательно работают над материалом, повинуются этому материалу, а не подгоняют его под заранее придуманные грандиозные теории, там создаются не однодневки, а фундаментальные работы. Сейчас для кавказоведов это особенно важно. К сожалению, получается так: чрезмерно возвышая свой народ, да еще подыскивая ему «достойных уважения» предков, невольно унижаешь соседние народы. Разве не подобным веет от всех опусов И.М. Мизиева? Разыскивая в изломах гранитных и песчаниковых глыб намеки на клинопись, приравливая каждое движение линий древних и средневековых петроглифов к заранее придуманной исторической ситуации, вряд ли можно создать подлинную историю какой-либо страны или народа. Но это же делается!

Историкам, включая археологов, и другим специалистам, причастным к изучению давно прошедшего времени, надо уметь прислушиваться к событиям современности, уметь улавливать в них нюансы, ведущие к беззастенчивым псевдонаучным

спекуляциям и противостоять им хотя бы в своих трудах. Это предполагает и уважительное отношение к критике, честной и даже самой строгой, тем более, если она требует дальнейших проработок и улучшений. В свое время мне пришлось услышать много горьких слов по поводу планируемых статей от С.В. Киселева, А.Я. Брюсова, Т.С. Пассек, Е.И. Крупнова, В.Н. Чернецова. Помню письмо А.А. Иессена о моей работе над каякентско-харацовой культурой. Я с благодарностью вспоминаю его мнение. Эти ученые были беспощадны и в том случае, если почему-либо в обзорах литературы и даже в беглых упоминаниях был пропущен кто-нибудь из специалистов, сказавших веское слово по изучаемому вопросу.

Недавно пришлось открыть том энциклопедии «Народы России» (М., 1994) и просмотреть заметки о кавказских народах, в том числе и о чеченцах, ингушах, осетинах. Довольно трафаретно написанные, они, конечно, дают некоторое представление о культуре этих народов, их быте и традиционной архитектуре. Обратил внимание на кавказский раздел библиографической сводки. В ней я не нашел указания на работы И.П. Щерблыкина, Л.П. Семенова, В.Х. Тменова, С.Ц. Умарова и других специалистов, положивших много сил для изучения этнографических материалов и памятников народного зодчества³. Нам, археологам, нельзя допускать ничего похожего в своих работах.

Будем надеяться, что современный кризис, в определенной степени переживаемый историческим кавказоведением, будет все же преодолен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И., 1967. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.
Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
Аджиев Мурад, 1992. Мы – из рода половецкого! М.
Аджи Мурад, 1994. Польнь Половецкого поля. М.
Alanica I, 1992. Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.
Alanica II, 1992. Аланы и Кавказ. Владикавказ – Цхинвал.
Alanica III, 1995. Аланы: история и культура. Владикавказ.
Алексеева Е.П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.
Алироев И.Ю., 1992. Академия наук Республики – дело государственное // Газета «Голос Чеченской республики», № 225 (20907) за 12 декабря. Грозный.
Амиханов Х.А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.
Анохин Павел, 1992. Кабарда остается в составе России, другое дело, в какой форме... // «Российская газета», № 70 (406), за 26 марта.
Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Тезисы Региональной научно-практической конференции, 1991. Грозный.
Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.
Аслаханов Алибек, 1995. Мир лучше победы // «Правда», № 2 (27420), за 6 января.
Ахмадов Явус, Хожаяев Далхан, 1992. Территория и расселение вайнахов с XVI в. до наших дней // Газета «Голос Чечено-Ингушетии», № 8. 9 (20492, 20493) за 14, 15 января, Грозный.
Баскаев В., 1995. История не воспринимает амбициозности. (Беседа с В. Кузнецовым) // Газета «Отчизна» № 5 (36). Владикавказ.
Батчаев Б., Кечеруков А., Лайпанов К., Караев А., 1992. Карачаево-Черкесия определяется // «Российская газета», № 71 (407) за 27 марта.
Бетров Р.Ж., 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик.
Бзаров Р., 1994. Осетины // Журн. «Эхо Кавказа», № 2 (5). М.
Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыкы, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск.
Биджиев Х.Х., 1994. Раннесредневековые поселения Карачаево-Черкесии и Центрального Предкавказья (вопросы истории и культуры тюрко-язычных народов). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Махачкала.
Васильев А., 1993. Трудности преодолимы. Так ли опасен исламский фундаментализм для России? // «Независимая газета», № 46 (722) за 11 марта.

³ В связи с этим вспоминается факт: в статье С. Экштута (журнал «Родина») воспроизведены сделанные мною разрез чеченской башни Дёре и рисунок «Майсты» (с фотографии Б. Плечке). Они взяты из моей же книги «В стране вайнахов» (М.: Искусство, 1969), но ни в примечаниях, ни в подрисуночных надписях не указано мое авторство (Экштут С., 1994, с. 33, 35). Это не достойно журнала «Родина».

- Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (Материалы к археологической карте) // Тр. Чечено-Ингушского НИИ. Т. X. Грозный.
- Всегда ли нужны и полезны поиски происхождения народов? // Газета «Отчизна», № 5 (36), октябрь 1995. Владикавказ.
- Гаджиев М.Г., 1991.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
- Герни О.Р., 1987.* Хетты. М.
- Гиндин Л.А., 1993.* Население гомеровской Трои (историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии). М.
- Глебова Е., 1992.* Кто прав – не скажу // «Московские новости», № 49 (644) за 6 декабря.
- Глезер О., Шевелев М., 1992.* Дагестан – Россия в миниатюре // «Московские новости», № 2 (598) за 12 января.
- Гмыря Л.Б., 1993.* Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 1995.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.
- Гоплачев Э., 1995.* Как ученые Иуду «отсекли» // Газета «Кабардино-Балкарская правда», № 138 за 29 августа. Нальчик.
- Гуриев Т., 1994.* Решение вопроса откладывать нельзя // Газета «Северная Осетия» № 157 (21712) за 24 августа, Владикавказ.
- Гутнов Ф.Х., 1993.* Средневековая Осетия. Владикавказ.
- Давудов О.М., 1990.* Дагестан в III в. до н.э. – IV в. н.э. (Опыт этнокультурной и социально-экономической характеристики). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси.
- Джуртубаев М.Ч., 1991.* Древние верования балкарцев и карачаевцев (краткий очерк). Нальчик.
- Дзидзоев Р.М., 1994.* К вопросу о национальной территории // Газета «Отчизна». № 3 за апрель. Владикавказ.
- Дудаев А., 1992.* Философия чеченского суверенитета // Газета «Голос Чеченской республики», № 221 (20903) за 5 декабря. Грозный.
- Дударев С.Л., 1991а.* Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии (конец II – первая половина I тысячелетия до н.э.). Грозный.
- Дударев С.Л., 1991б.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.
- Иванов В.В., 1962.* Очерк истории и культуры хеттов // Послесловие к кн.: К. Керам. «Узкое ущелье и черная гора». М.
- Исаенко А., Кучиев В., 1994.* Что записано в истории... // Газета «Северная Осетия», №№ 58–60 (21613–21615) за 29–31 марта. Владикавказ.
- Искаков М.И., 1966.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Кавказские орлы, 1993 // Библиотека альманаха «Шпион», № 1. М.: Мистикос (перепечатка «Обзора материалов о банддвижении на территории бывшей Чечено-Инг. АССР». Алма-Ата, 1945).
- Кадыраджиев К.С., 1992.* Загадки кумыкской и тюркской истории от Эгейского до Каспийского морей. Махачкала.
- Калмыков Ж., 1995.* Истина дороже всего // Газета «Советская молодежь», № 48 за 1 декабря. Нальчик.
- Козенкова В.И., 1995.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М.
- Котович В.Г., 1964.* Каменный век Дагестана. Махачкала.
- Котович В.Г., 1978.* К определению исторического места каякентско-харачоевской культуры // МАД. Т. 8. Махачкала.
- Котович В.М., 1994.* Путешествие в тысячелетия (Записки дагестанского археолога). Махачкала.
- Крупнов Е.И., 1967.* Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1984.* Очерки истории алан. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1992.* Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ.
- Кузнецов В.А., 1993.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ.
- Лайпанов К.Т., 1995.* Об аланском происхождении карачаево-балкарцев // Газета «Карачаево-балкарский мир», № 7 (15), за август. Карачаевск.
- Лайпанов Казим, Костинский Юлий, 1992.* Бессрочный митинг Карачая // «Российская газета», № 53 (389) за 5 марта.
- Лакоба Станислав, 1991.* За кавказское единство // Газета «Маджлис». № 8 за 8 февраля. Махачкала.
- Ловлаче Н.Г., 1991.* Истоки майкопской культуры, связь ее с природой и народами Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Межд. симпоз. Л.
- Ловлаче Н.Г., 1994.* Из-под корня лжи сочится кровь // Газета «Нарт» № 1, за январь. Черкесск.
- Львов Юрий, 1994.* Кому понадобился календарь в гробнице? // «Комсомольская правда» за 22 сентября.
- Магомедов Р.Г., 1992.* Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы (глиняная культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Межд. симпоз. 1991. Л.
- Марковин В.И., 1994а.* Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА. № 1.

- Марковин В.И., 1994б. О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // РА. № 4.
- Марковин В.И., 1994в. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1994г. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя бронза Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1995а. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // Газета «Хасэ». №№ 31, 32 за 5 и 12 августа. Нальчик.
- Марковин В.И., 1995б. Могильник эпохи бронзы у сел. Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Армавир – Москва.
- Мизиев И.М., 1986. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.
- Мизиев И.М., 1991. Балкарец легко понял бы шумера // Газета «Альтернатива», № 25 за 20 июня. Нальчик.
- Мизиев И.М., 1994. В плену угасшей теории (О книге Х.Х. Биджиева «Тюрки Северного Кавказа») // Газета «Кабардино-Балкарская правда», № 82 за 5 мая. Нальчик.
- Мизиев И.М., 1995. Народы Кабардино-Балкарии в XIII–XVIII вв. Нальчик.
- Мужухоев М.Б., 1991. Нахские народы. Их происхождение // Газета «Голос Чечено-Ингушетии», № 187 (20418) за 25 сентября. Грозный.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р.М., 1994а. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Мунчаев Р.М., 1994б. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Нарожный Е., 1991. «Археология на новостройках». Научно-практическая конференция в г. Кизляре // Газета «Кизлярская правда» за 22 октября. Кизляр.
- Обращение участников Первого Международного Конгресса горцев «Этнос и среда обитания. Традиции и развитие». – Горцы Кавказа! Остановите вражду! // Журн. «Эхо Кавказа», № 3 (6). М.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
- Плиев Р.С., 1992. Нахские языки – ключ к этрусским тайнам. Грозный.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. М.
- Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конфер. Тез. докл. и сообщ. 1991. Шатой.
- Сергеева Ольга, 1991. Прощай оружие?! Беседа с председателем Ассамблеи горских народов Юрием Шанибовым // «Независимая газета», № 14 за 31 января.
- Серостанова Людмила, 1993. Амазонки. Махачкала.
- Симакин В., 1994. Политические игры вокруг казачества // Газета «Отчизна» № 3, за апрель. Владикавказ.
- Спецпереселенцы в СССР в 1944 г. или год большого переселения, 1993 // Отечественные архивы. № 5. М.
- Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. 1994. Махачкала.
- Техов Б.В., 1993а. Тайны Кобани // Журн. «Эхо Кавказа», № 1. М.
- Техов Б.В., 1993б. Осетины – древний народ Кавказа (Истоки, культура, этнос). Цхинвал.
- Тменов В.Х., 1994. Традиционное каменное зодчество средневековой Осетии (археологический аспект). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Федоров Г.С., 1995. Этническая история Северо-Восточного Дагестана: проблема происхождения кумыков. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Махачкала.
- Федосов П., 1992. ... В лице казачества здоровая часть народа противится своей гибели... // «Московские новости», № 42 (637) за 18 октября.
- Филип Ян, 1961. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага.
- Хаджиев Ю., 1991. Италия (древние этруски и римляне) // Газета «Республика» за 5 сентября. Грозный.
- Хачилаев М., 1994. Самое страшное не то, что нас мало, самое страшное, что великое предательство внутри нас! // Журн. «Наш Дагестан», № 169–170, апрель – июнь. Махачкала.
- Херисчи Гамид, 1991. «Настала эра внутренних войн» (о будущем исламского мира) // Век XX и мир. № 1. М.
- Чеченов И.М., 1990. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. № 4.
- Чеченов И.М., 1995а. Проблемы изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // Газета «Хасэ», № 35 (97) за 2 сентября. Нальчик.
- Чеченов И.М., 1995б. Пятый пункт апостола Павла (Почему ученые способствуют идее вернуть «утраченные» земли малочисленным народам) // «Российская газета» от 11 марта («Земство»).
- Экштут Семен, 1994. Алексей Ермолов // «Родина», № 3–4. М.
- Markovin V.I., 1993. Der Kurgan Psynako I, Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (Westkaukasus) // Z. Archäol. Heft 27. Berlin.